

Блошко Виталий Васильевич

аспирант.

Международная академия бизнеса и управления

razov@yandex.ru

Vitaly V. Bloshko

Graduate student.

International Academy of Business and Management

razov@yandex.ru

Право как социальной регулятор системы взаимодействия бизнеса и власти в модернизирующейся России: специфические черты и функции

Law as a social regulator of business and government interaction in modernizing Russia: specific features and functions

***Аннотация.** В статье отмечается, что в начавшемся процессе инновационной модернизации России значимость права как социального регулятора системы взаимодействия бизнеса и власти требует создания новой системы правового регулирования, которое обеспечит взаимодействие бизнеса и власти на эффективном уровне и позволит отечественной экономике обрести конкурентное преимущество в условиях инновационной гиперконкуренции.*

***Ключевые слова:** модернизация, право, правовое регулирование, гиперконкуренция, электронное правительство, коррупция.*

***Abstract.** At the beginning of the process of Russian innovative modernization the importance of law as a social regulator of business and government system of interaction requires the creation of a new system of legal regulation, which will provide the interaction of business and government at an efficient level and allow the domestic economy to gain competitive advantage in terms of innovative hypercompetition.*

***Keywords:** modernization, law, legal regulation, hypercompetition, e-government, corruption.*

Модернизация России обусловлена рядом факторов, прежде всего, наличием механизма правопреемственности в процессе преобразования правовой системы современной России и имплементации международных правовых норм. Для современной России характерен процесс имплементации и рецепции правовых принципов и норм, адекватных социокультурным практикам Запада. Данные имплементации и рецепции международных правовых норм и принципов можно осуществить посредством принципа правопреемственности, который коррелирует с имеющимися социальными практиками [1, с.155; 2].

Постоянно усложняющееся представление о модернизации сочетает методологический плюрализм с идеей вариативности исторического развития» [1, с.195; 2]. Такого рода парадигма модернизации выстроена на допущении о существовании диалектически функционирующего социального порядка, представляющего собой интегральный продукт особых социальных практик и соответствующих им правовых систем. Она объясняет, каким образом происходит имплементация и рецепция принципов и норм международного права в отечественное.

В обществе, которое представляет собою совокупность социальных коммуникаций и которое использует традиционное право в процессе модернизации, постепенно происходит объединение функционально обусловленных подсистем – экономической, политической, правовой, культурной и др. – в единое целое [3, с. 89-90]. Значимость появившейся функционально-специализированной социальной структуры заключается в том, что она способствует его динамичности и адаптивности. Здесь немалую роль играет правопреемственность, которая дает возможность в условиях нестабильности социальной системы осуществлять трансформацию правовой системы и имплементацию и рецепцию норм и принципов международного права: «Таким образом, – отмечает О.А. Андреева, – историко-правовая наука показывает нам процесс постоянной трансформации историко-правового материала с инсталляциями и новеллами, диктуемыми изменившимися обстоятельствами и мировоззренческими установками сменяющих друг друга поколениями» [4, с. 45].

Однако процесс имплементации и рецепции международного права в систему отечественного права носит диалектический характер, что проявляется в его противоречивости. Так, в 2015 году Конституционный суд России принял постановление о том, что решения Европейского суда по правам человека являются действительными только в той части, которые не противоречат Конституции Российской Федерации.

Механизм правопреемственности, позволяющий имплементировать и осуществить рецепцию норм и принципов международного права, дает возможность путем правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти обеспечить отечественной экономике конкурентное преимущество в условиях инновационной гиперконкуренции, характерной для системы глобальной информационной экономики. Функционирующая сейчас глобальная информационно-сетевая экономика качественно трансформирует основные концепции, модели, методы, механизмы и формы регулирования, в том числе правового и экономического регулирования, а также конкурентной борьбы на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях. Исходя из данной сложившейся социоэкономической ситуации, отечественный экономист С.А. Дятлов характеризует новый вид конкуренции – инновационную гиперконкуренцию – следующим образом: «На наш взгляд, в XXI веке следует говорить о возникновении качественно нового вида конкуренции – гиперконкуренции или *инновационной гиперконкуренции*, т.е. управляемом гиперконкурентном развитии

глобальных рынков в условиях использования опережающих *доминантных инноваций*, которые посредством вертикально-сетевой интеграции в глобальные структуры включают новые передовые методы программируемого, управляемого воздействия на цели, мотивы, интересы, потребности и экономическое поведение людей (партнеров, потенциальных конкурентов, потребителей и др.) с целью получения целевых запрограммированных выгод и эффектов» [5, с. 22]. Здесь речь идет об обосновании новой модели развития, обусловленной потребностью в переходе к шестому технологическому укладу и инновационно-гиперконкурентной экономике, доминантой которой является инновационно-синергичный механизм макрорегулирования.

Механизм макрорегулирования, включающий в себя правовое регулирование взаимодействия бизнеса и власти как основных субъектов функционирования глобальной инновационной гиперконкуренции, должен быть выстроен таким образом, чтобы соответствовать системным элементам этой гиперконкуренции. К системным элементам относятся многоуровневость и многоаспектность, новые знания или компетентность, управляемость, динамизм, адаптационность, мобильность, инновационность, эффективность и прочие элементы, определяющие глобальные преимущества стран-лидеров и технологически развитых крупных корпораций [5, с. 23]. Необходимо отметить, что в отличие от национальных экономик ряда передовых стран, интегрированных в глобальную информационную экономику, отечественная экономика не на современном этапе не использует в полной мере достижения науки и инноваций.

В опубликованном в этом году очередном «Глобальном отчете о развитии информационных технологий» подчеркивается значимость ИКТ как мощного стимулятора экономического роста, многократно увеличивающего доходы. Модернизация отечественной экономики и использование информационно-коммуникационных технологий в качестве драйвера экономического роста осуществляются довольно медленно. Однако согласно ежегодному «Рейтингу сетевой готовности» («Networked Readiness Index, NRI»), который распределил 143 страны по показателям развития ИКТ-среды, в российской ИКТ-экосистеме зафиксированы заметные улучшения: «В 2015 г. Россия поднялась в индексе NRI на девять позиций, заняв 41 место. При этом наибольший вклад в это внесли показатели развития ИКТ-среды (политические и регуляторные факторы, бизнес и инновации) и ее использование физическими и юридическими лицами, а также госструктурами» [5, с. 23].

Сейчас в России проводятся концептуальные исследования, обусловленные появившимися киберфизическими системами грядущей четвертой промышленной революции, элементы которой уже существуют в развитых странах. Значительные изменения в мировую и отечественную экономику вносят тенденции развития городов будущего – Smart City, примером которого является интеллектуальная Москва и Сколково [6, с. 34-35]. Однако стоит отметить, что выше перечисленные процессы требуют

соответствующего обеспечения нормативно-правовым и нормативно-техническим взаимодействием всех субъектов общества, прежде всего, взаимодействием бизнеса и власти.

Второй фактор представляет собой трансформацию отношений государства и промышленности, которая на первое место выводит эффективность, формирование сетевых структур, использование правового обеспечения механизмов электронного правительства, что помогает делать государственную политику прозрачной в социальной и экономической сферах. Начавшийся процесс модернизации России характеризуется трансформациями отношений бизнеса и власти, что вытекает из динамичного развития высоко технологичного общества с его информационно-коммуникационными технологиями и появления элементов новой, четвертой промышленной революции (Industry 4.0).

В данном случае следует принимать во внимание, что имеется вполне определенная параллель между процессами трансформаций отношений между государствами и промышленностью в Европейском Союзе и России. В настоящее время европейские государства с целью экономии средств, идущих на оборону, меняют промышленную стратегию: первостепенным становятся принцип эффективности, а также происходит реформирование порядка государственного управления и взаимодействия между ведомствами. Результатом преобразований стало формирование сетевых структур, которые теперь объединяют разрозненные ранее функции размещения оборонных заказов, приобретения техники, снабжения и логистики [7, с. 165].

Теперь принципы бизнеса в эпоху Интернета начинают применять и европейские государства в области военной промышленности, что значительно снижает расходы на оборону. Свод правовых норм и правил, регулирующих военные закупки, также подвергся реформированию: «Цель таких реформ состояла в том, чтобы сделать государственную политику в сфере приобретения вооружений и военной техники прозрачной, предсказуемой и стабильной» [7, с. 165]. Прозрачность отношений позволяет выстраивать такое взаимодействие государства и бизнеса в оборонной промышленности, которое дает возможность сформулировать приоритеты в сфере развития перспективных программ и необходимых технологий. Здесь прямое регулирование военной промышленности заменяется разнообразием методов и более гибких форм управления. Необходимо отметить, что и в России государственная власть начинает выстраивать новые отношения с оборонно-промышленным комплексом, с целью придания им максимальной прозрачности.

Стремление к прозрачным отношениям во взаимоотношении государственной власти с промышленностью в целом поддерживается правительством России, что проявляется в постоянном совершенствовании так называемого «электронного правительства». В этом плане заслуживает внимания монография консультанта Microsoft Д. Холмса «eGov. Стратегия электронного бизнеса для государства», в которой излагаются современные тенденции и обобщен мировой опыт создания электронного правительства в

качестве метода перехода от индустриального общества к информационному [8]. Данная концепция e-government (электронного правительства) состоит в применении новейших информационных технологий для того, чтобы можно было в значительной степени повысить эффективность функционирования государственных органов и учреждения на всех уровнях, от федерального до муниципального.

В.Б. Пироженко отмечает значение социально-правовых функций электронного правительства в жизнедеятельности общества и человека как средства информационного развития общества. [9]. Кроме того, автор раскрывает особенности правовых функций электронного правительства в современном дифференцированном информационном обществе, которые заключаются в том, что право является одним из универсальных социальных регуляторов динамичных процессов социума.

В начавшемся процессе инновационной модернизации России значимость права как социального регулятора системы взаимодействия бизнеса и власти требует создания новой, двухуровневой конструкции этого взаимодействия, на верхнем уровне которого находится крупный бизнес и высшая власть, на втором уровне – средний и мелкий бизнес и региональная власть. Такого рода двухуровневая конструкция взаимодействия бизнеса и власти адекватна сложившимся социоэкономическим реалиям и территориальным масштабам динамично развивающегося информационного общества России.

Сущность третьего фактора заключается в том, что бизнес координирует свою деятельность не столько посредством норм и законов, но и при помощи интенсивных контактов с административными органами, что провоцирует возникновение коррупции в силу увеличения доли государства и персонифицированного капитализма.

В междисциплинарных исследованиях предпринимательства в России дается анализ ряда актуальных проблем последнего. Одной из таких актуальных проблем является своеобразие российского предпринимательства, не ориентированного на грамотное управление активами корпорации [10, с.35]. Проблема формирования квалифицированных кадров обуславливается специфическими российскими стандартами образования, выстроенными в соответствии с природой российского предпринимательства. Речь идет о том, что эффективный лидер в России определяется не набором навыков по распознаванию и эксплуатации возможностей для успешного предпринимательского старта, а встроенностью в определенную иерархию, где политическое влияние обменивается на доступ к нефтяному полю, скважине, трубе. Соответственно, слушатель типичной российской бизнес-школы стремится не столько за знаниями и компетенциями в области структурирования, масштабирования и управления инновационным предприятием, сколько за полезными связями» [10, с.35-36]. Неудивительно, что своеобразие российского бизнеса, особенно крупного, состоит в его подчиненности государственной власти.

Ситуацию усугубляет также тот факт, что в России на протяжении 2000-х гг. сформировался госкапитализм, и само государство выступает крупнейшим предпринимателем. В таких условиях бизнес не стремится стать основным агентом модернизации России и не вкладывает долгосрочные инвестиции в экономическое развитие страны. Вместо него таким агентом стало государство, которое выбрало вариант прямого административного контроля над важнейшими экономическими активами путем делегирования небольшой группе чиновников управления этими активами.

Результатом данной ситуации является так называемый «Пакт 28 июля» от 2000 г. – неформальный пакт власти с владельцами крупного бизнеса, который предложил олигархам «равноудалиться» от высшей государственной власти. ««Пакт 28 июля», по сути, – пишет В. Волков, – затрагивал основные права обеих сторон. Государство оставляло за собой исключительное право на принятие и реализацию решений, касающихся внутренней и внешней политики, – читай, восстановление суверенитета. Оно готово был учитывать интересы бизнеса, но в такой форме, которая не угрожало бы внутреннему единству правительства» [11, с. 14]. Были созданы госкорпорации, которые находятся под контролем группы высших государственных чиновников, распоряжающейся активами и ресурсами, получившей частично формализованные права собственности.

Такой вариант госкапитализма не является чем-то исключительным с точки зрения международного права и европейского опыта, однако российское своеобразие выразилось «в крайне персонифицированном варианте такого контроля в противоположность институциональному, то есть основанному на правовых и процедурных механизмах» [11, с. 24]. Это подразумевает высокую степень личных связей, когда высшие чиновники, а не представители частного бизнеса, как это свойственно азиатскому госкапитализму, стали доверенными лицами в управлении собственностью. Такой вариант государственного капитализма в России тесно связан с высоким уровнем коррупции государственных чиновников, распоряжающихся экономическими активами и ресурсами.

Сравнительные исследования опыта по стимулам в системе государственного управления и экономического роста в Советском Союзе, России и КНР показывают, как отмечает А.А. Яковлев, что высшее присутствие государства в экономике, ограничение политической конкуренции, отсутствие независимой судебной системы, слабость НКО и независимых СМИ способствуют значительной коррупции [12, с. 5]. Вполне правомерен вывод о том, что избыточное и противоречивое правовое и административное регулирование коррупции ставит неразрешимую проблему для бизнеса [12, с. 12]. Неслучайно в отечественной правовой литературе исследуются различные подходы к исследованию коррупции, что сформулировано в виде глобальной коррупционной парадигмы и модели неформальных практик. Если глобальная коррупционная парадигма используется в международных мониторингах коррупции и стимулирует антикоррупционную политику, то модель неформальных практик раскрывает

социокультурную укорененность коррупции, с которой связаны провалы антикоррупционных компаний [13, с. 118].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день высшее руководство России приступило к системной борьбе с коррупцией, что обусловлено кризисными временами, требующими самоочищения бюрократии. Системная борьба с коррупцией – это отнюдь не только тотальные репрессии, но прежде всего широкий спектр мер, охватывающий область от налоговой сферы до общественного контроля.

Четвертый фактор коренится в синкретическом характере соотношения политической власти и бизнеса, что связано с влиянием традиционного набора социальных и культурных ценностей и отечественным менталитетом. Здесь немалый интерес представляет социологическое исследование М.К. Горшкова «Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)», в котором дан обстоятельный анализ состояния современного сознания российского социума [14]. В статье делается принципиальный вывод о консервативном повороте массового сознания россиян, ориентированном на традиционный менталитет и культурные ценности с доминированием «центра власти». Вполне закономерно, что «осознавая новые реалии, большинство россиян выступает сегодня за концентрацию усилий общества и государства на качественном повышении жизненного уровня наших сограждан, обеспечении в обществе социальной справедливости, преодолении коррупции, развития науки и образования, на сохранении и даже упрочении ряда демократических институтов (выборность, свобода слова, свобода предпринимательства, свобода выезда за рубеж и т.п.)» [14, с. 150].

Обозначенный консервативный поворот массового сознания россиян объясняется особенностями российского менталитета как совокупности рефлексивных и нерефлексивных социальных практик. М.К. Горшков приходит к выводу, что осуществление стратегии модернизации России невозможно без учета особенностей социокультурной среды, установок и ценностей россиян, «традиционно ориентированных на сильное государство, не только поддерживающее «правила игры», но и способное к активному историческому целеполаганию» [14, с. 151].

Разумеется, в любой экономике для успешного предпринимательства необходимым условием выступает его тесное взаимодействие с властными структурами. «Но в данном случае речь идет не о партнерских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях властных структур и их представителей влиять на предпринимательскую деятельность, а зачастую – диктовать свою волю. При этом инструментом конкурентной борьбы для российского предпринимательства становится поиск «покровительства» со стороны органов власти и ее представителей» [15, с. 34]. Понятно, что в таких условиях не может быть и речи об инновациях в экономике России и регулируемой правом успешной деятельности предпринимательства, они блокируются синкретическим характером взаимодействия государственной власти и бизнеса.

Это означает, что в России из-за наличия фундаментального неравенства во взаимодействия бизнеса и власти фактически не дает эффективных результатов парадигма права как нормативного эквивалента экономических отношений и универсального инструмента управления социумом. Очевидна деформация фактически всех экономических и правовых отношений в России, препятствующих реализации принципа социальной справедливости. «В результате экономической интерес предпринимателя направлен не на структурное и технологическое развитие, требующее долгосрочных вложений в материальную базу предпринимательской деятельности и человеческий капитал, а на максимизацию немедленного результата» [16, с. 35].

Литература.

1. Назарова В.С. Модернизация политических институтов и законотворческая политика в координатах «традиция-модернизация»: объяснительная модель в исторической ретроспективе // Законотворческая политика РФ: проблемы юридической техники. Сборник научных статей / Под общ. ред. А.В. Малько, М.А. Костенко. Саратов - Таганрог: Изд-во ЮФУ. 2012. С. 188-203;

2. Акулич М.М., Юдашкин В.А., Чеблаков А.Л. Модернизационный потенциал и социальные практики // Социс. 2014. № 7.

3. Головин Н.А. Социология Н. Лумана – этап развития общей теории социальных систем // Социс. 2014. № 2. С. 89-90.

4. Андреева О.А. Правопреемственность в процессе модернизации правовой системы современной России: юридико-технологический подход // Юридические технологии в правовой политике. 2013. № 1.

5. Дятлов С.А. Инновационная гиперконкуренция в системе глобальной информационной экономике // Информационное общество. 2013. № 4.

6. Лопухов И. Коммуникационные технологии умного предприятия в рамках концепции Индустрия 4.0 и Интернета вещей // СТА. 2015. № 2.

7. Солдатов С. Smart City – город будущего // СТА. 2015. № 2.

8. Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Мысль и меч: эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX - начале XXI вв. М.: Изд-во МБА. 2013.

9. Холмс Д. eGov. Стратегия электронного бизнеса для государства. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ». 2004.

10. Пироженко В.Б. Электронное правительство как социокультурный феномен: социально-правовые функции и перспективы. Дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. Ростов-на-Дону. 2013.

11. Чепуренко А.Ю. Предпринимательство как сфера социальных исследований: Россия и международный опыт // Социс. 2013. № 9.

12. Волков В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // Вопросы экономики. 2010. №8.

13. Яковлев А.А. Стимулы в системе государственного управления и экономический рост // Общественные науки и современность. 2015. № 2.

14. Барсукова С., Леденева А. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // Вопросы экономики. 2014. № 6.

15. Редакционная статья. Выход из Коми // Эксперт. 28 сентября – 4 октября 2015 . № 40.

16. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2011.

17. Лубский А.В. «Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2011» // Социс. 2012. № 7.

18. Сорокин Д.О. Стратегии развития России // Вопросы экономики. 2010. № 8.

Bibliography.

1. Nazarova V.S. Modernization of political institutions and legislative politics in the coordinates "tradition and modernization": an explanatory model in historical perspective // *The Legislative policy in the Russian Federation: problems of legal technique. Collection of scientific articles / Under the General editorship of A.V. Mal'ko, M.A. Kostenko. Saratov - Taganrog: Publishers: SFU. 2012. P. 188-203;*

2. Akulich M.M., Yudashkin, V.A., Cheblakov A.L. Potential of modernization and social practices // *Sotsis. 2014. No. 7.*

3. Golovin N.A. Sociology of N. Luhmann – the stage of development of the General theory of social systems // *Sotsis. 2014. No. 2. P. 89-90.*

4. Andreeva O.A. Succession in the process of modernization of legal system in modern Russia: legal and technological approach // *Legal technology in legal policy. 2013. No. 1.*

5. Dyatlov S.A. Innovative hypercompetition in the global information economy // *The Information society. 2013. No. 4.*

6. Soldatov S. Smart City – the city of the future // *STA. 2015. No.*

7. Vlasov N.A. Malygin A.A., Pavlov A.Yu. *The Thought and The Sword: the evolution of the defence policy of Western European countries and the development of military technology during the second half of XX - beginning of XXI century, Moscow: Publishers: IBA. 2013.*

8. Holmes D. *eGov. Strategy e-business for the state. M.: ООО "Publishing house Astrel" LLC "Publishing house AST". 2004.*

9. Pirozhenko V.B. *E-government as a sociocultural phenomenon: socio-legal functions and perspectives. Thesis of a scientific degree PhD on the Philosophy. Rostov-on-don. 2013.*

10. Chepurenko A.Yu. *Entrepreneurship as a field of social research: Russian and international experience // Sotsis. 2013. No. 9.*

11. Volkov V. *The Problem of reliable guarantees of ownership rights and the Russian way of vertical political integration // The Questions of The Economy. 2010. No. 8.*

12. Yakovlev A.A. *The Incentives in the system of state management and economic growth // Public Sciences and modernity. 2015. No. 2.*

13. Barsukova S., Ledeneva A. *From the global corruption paradigm to the study of informal practices: differences between outsiders and insiders // The Questions of the Economy. 2014. No. 6.*

14. Gorshkov M.K. *Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics). Moscow: NEW CHRONOGRAPH, 2011.*

15. Lubskiy A.V. *"Gorshkov M.K. Russian society as it is (experience of sociological diagnostics). Moscow: NEW CHRONOGRAPH, 2011" // Sotsis. 2012. No. 7.*

16. Sorokin D. *The strategy of the Russian development // The Questions of The Economy. 2010. No. 8.*